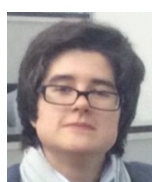

Когнитивные искажения как причина возникновения коммуникативных неудач в современном поэтическом интернет-дискурсе (на примере русскоязычных и немецкоязычных стихотворений, актуализирующих принципы «новой этики»)

Cognitive Bias as a Cause Of Communicative Failures in the Modern Poetic Internet Discourse (Based on Russian and German Poems Implementing the Principles of „New Ethics“)

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-4-21-28

Получено: 11 апреля 2025 г. / Одобрено: 26 июня 2025 г. / Опубликовано: 26 августа 2025 г.

Д.А. Дацко

Канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 236038, Калининград, ул. Артиллерийская, 62, доцент Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: datsko-da@ranepa.ru ORCID: 0000-0002-7252-4853

D.A. Datsko

Candidate of Philology, Assistant Professor of the Humanities and Sciences, Department of the Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of Higher School of Linguistics, Immanuel Kant Baltic Federal University, 62, Artillerijskaia str., Kaliningrad, 236 038, Russia, e-mail: datsko-da@ranepa.ru ORCID: 0000-0002-7252-4853

Аннотация

Статья раскрывает содержание понятия «новая этика» в русле современного поэтического дискурса, эксплицирующего вопросы толерантности, харассмента, культуры отмены, неправильная интерпретация которых вследствие когнитивных искажений может привести к коммуникативной неудаче, так как поэзия рассматривается как одна из форм мультдиалога, для которого характерным является наличие адресанта (автора поэтического интернет-текста), адресата (читателя), коммуникативных механизмов, отвечающих за направление акта коммуникации.

Цель исследования — выявить типы когнитивных искажений, которые могут стать источником коммуникативного сбоя в современных поэтических немецкоязычных и русскоязычных интернет-текстах, демонстрирующих концепцию «новой этики».

Методология, методы и методики. В работе использованы метод систематизации и обобщения исследуемого теоретического материала, описательно-аналитический метод, метод лингвостилистического анализа текста.

Результаты. В ходе исследования обосновывается мысль о том, что причиной коммуникативных неудач в текстах поэтического дискурса становятся такие типы когнитивных искажений, как «эффект фокусировки» (внимание адресата сконцентрировано на конкретных лексемах, а не на общем содержании текста), «обесценивание позитивного» (игнорирование адресатом положительных свойств обсуждаемой в стихотворении темы), «катастрофизация» (убеждение адресата в негативном развитии представленной в поэтическом тексте ситуации), «эмоциональное обоснование» (игнорирование адресатом выводов, сделанных автором стихотворения вследствие соответствующего эмоционального состояния).

Вышесказанное определило актуальность настоящего научного исследования.

Научная новизна состоит в изучении принципов «новой этики» в русле современного поэтического дискурса; выявлении типов когнитивных искажений, характерных для данного типа дискурса.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных научных результатов в специальных вузовских базовых курсах по лингвокультурологии, теории дискурса, лингвостилистической интерпретации текста, когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: поэтический дискурс, коммуникативная неудача, когнитивные искажения, «новая этика», харассмент, толерантность, культура отмены.

Abstract

The article considers the theory of „new ethics“ within the framework of the modern poetic discourse demonstrating issues of tolerance, harassment and cancel culture. Misinterpretations of these concepts, due to cognitive bias, can lead to communicative failures, as poetry is viewed as one form of multilateral dialogue. This dialogue is characterized by the presence of an addresser (the author of the poetic internet text), an addressee (the reader), communicative mechanisms determined the act of communication.

The aim of research is to identify the types of cognitive bias that may become causes of communicative failure in the modern German and Russian poetic internet texts demonstrating the concept of „new ethics“.

Methodology and research methods. The research work used methods of systematization and generalization of the scientific material, descriptive-analytical method, method of linguistic and stylistic analysis of the text

Results. The research shows that the causes of communicative failures in poetic discourse are certain types of cognitive bias, such as „focusing effect“ (the recipient's attention is concentrated on specific lexemes rather than the overall text content), „discounting the positive“ (the recipient ignores the positive aspects of the theme discussed in the poem), „catastrophizing“ (the recipient fixates on the negative development of situation presented in the poem), „emotional reasoning“ (the recipient ignores the conclusions made by the author of the poem due to their corresponding emotional state). This fact also determines the relevance of the study.

Scientific novelty lies in the study of the principles of „new ethics“ within the framework of the modern poetic discourse, as well as in identifying the types of cognitive bias characteristic of poetic internet discourse.

The practical significance is determined by the possibility of using the obtained scientific results in special university basic courses on cultural linguistics, discourse theory, linguistic and stylistic interpretation of the text, cognitive linguistics.

Keywords: poetic discourse, communicative failure, cognitive bias, new ethics, harassment, tolerance, cancel culture.

Современное европейское общество развивается в соответствии с идеями политкорректности и мультикультурности. Изучение проблематики постколониализма, гибридности, мимикрии (Э.В. Саид, Ф. Фанон, К.Х. Бхабха); исследование природы и последствий локального активизма (движений, выступающих против гендерной и расовой дискриминации, культурного расизма) (Г.Ч. Спивак, Э. Балибар, П.А. Тагиефф); анализ стратегии самоэкзотизации и генезиса философского течения — негритюд (Ф. Фанон, В. Малахов, К. Корчагин) создали прочный фундамент для становления и дальнейшего формирования концепции «новой этики», маркирующей направление аксиологического вектора, консолидирующей множество идеологий, пропагандирующей «культуру отмены», поднимающей вопрос об инклюзивности лиц с ограниченными возможностями здоровья в различные сферы жизнедеятельности. Постепенно указанные принципы распространились в российском культурном пространстве, что подтверждают следующие события: обвинение в бодишейминге сеть ресторанов «Тануки» после размещённой в сети рекламы ко Дню влюблённых; аннулирование контракта компанией *Audi* с К. Собчак из-за расистских высказываний ведущей; обвинение депутата Л. Слуцкого в харассменте; принудительный ребрендинг: использование вместо гимна российской сборной на Олимпиаде фрагмента из «Концерта для фортепиано с оркестром № 1» П.И. Чайковского и т.д.

Очевидно, что феномен «новой этики» существует на стыке нескольких научных направлений: культурологии, антропологии, философии, аксиологии и, безусловно, лингвистики и коммуникативистики. Однако в данной работе «новая этика» трансформируется в регулятор коммуникации, определяющей ценностные ориентиры в современном поэтическом дискурсе.

Термин когнитивные искажения, под которым понимаются «систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, возникающие на основе дисфункциональных убеждений» [цит. по 2, с. 70] традиционно используется в свете дискуссии о рационализме и логических суждениях. Однако, экстраполируя теорию когнитивных искажений на сферу коммуникативистики и поэзии, как формы выражения мыслей, идей, можно говорить о возникновении коммуникативных неудач как следствия проявления когнитивных искажений. Следовательно, восприятие актуализируемых в рамках «новой этики» тем, которые могут быть охарактеризованы как аномальные (движения за права определённых групп меньшинств, излишнее проявление толерантности), так как лежат в основе создания антинорм, есть не что иное, как разновидность когнитивных искажений.

Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы выявить типы когнитивных искажений, которые могут привести к неправильной интерпретации и коммуникативной неудаче в современных поэтических немецкоязычных и русскоязычных интернет-текстах, актуализирующих концепцию «новой этики». Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, охарактеризовать понятие «новой этики»; во-вторых, установить специфику поэтических текстов, созданных на базе русского и немецкого языков и освещающих проблемы толерантности, харассмента, культуры отмены.

Обзор литературы

Термин «новая этика» вследствие семантической расплывчатости не имеет однозначного толкования. С позиции философии и культурологии А.А. Гусейнов, развивая мысль В.И. Россмана о смещении акцента в гуманитарных науках на проблемах «меньшинств», характеризует данный феномен как «моралистический поворот общественного сознания, направленный на очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма» [цит. по 6, с. 91]. Философ Т.В. Левина предполагает, что данный термин обязан своим появлением российским консерваторам, которые «осуждают новые общественные течения» [11]. А.П. Марков, на наш взгляд, наиболее полно сумел выразить, в чем заключается непосредственно новизна данной концепции. В частности, «новую этику» позиционируют как «глобальный «гуманистический проект», способный обеспечить равенство, справедливость и взаимоуважение людей, независимо от их расовой, половой и религиозной принадлежности, трансгендерной и сексуальной идентичности» [13]. Иначе говоря, в XXI в. наблюдается, во-первых, переосмысление тех норм, которые уже существуют; во-вторых, происходит обновление базовых этических норм; в-третьих, появляются способы корректной борьбы, по мнению угнетённых групп, с социальной несправедливостью.

В немецкоязычном культурном пространстве принято считать, что в основе «новой этики» лежат идеи движения *Neue Ethik* (XIX–XX вв.), призывающего сторонников данного направления бороться за признание открытой гендерной идентичности и материальной независимости женщин в европейских странах. Очевидно, что «идеи феминизма начала XX века схожи с одной из основных концепций современной “новой этики”, так как затрагивается вопрос о новом восприятии и содержании моральной нормы» [11].

В научном плане первые попытки выразить принципы «новой этики» происходят в XX в. «Глубина

психологии и новая этика» ученика К. Юнга Э. Нойманна (1949), появившаяся под влиянием холокоста, декларирует некоторую несостоятельность имеющихся этических концепций, сложившихся на дуализме «добра» и «зла», что заставляет индивида «отречься от тёмных начал в себе, от собственных деструктивных сил. Это не позволяет деструктивные силы приручить, а только “раздваивает” психическую жизнь» [16]. Таким образом, общество нуждается в появлении новой этики.

Транспонирование идей «новой лексики» в языковую плоскость подразумевает два подхода к изучению данного феномена: 1) словообразовательный; 2) лексический. Первый связан с образованием и функционированием феминитивов (М.А. Кронгауз, И.В. Фуфаева, С.В. Ильясова, Е.В. Пугачева), так как одним из преферентных направлений «новой этики» является борьба с гендерной дискриминацией. Необходимо признать, что феминитивы как в русском языке (доярка, учёная, поэтесса, москвичка), так и в немецком (*die Lehrerin* (учительница), *die Dozentin* (доцент (о женщине)), *die Studentin* (студентка)) существовали всегда. Однако в русском языке возникали сложности при образовании соответствующих лексем, обозначающих профессии. Так, суффикс «-ш-» в словах «докторша», «генеральша» указывал не на принадлежность к профессии, а на жён доктора или генерала [9]. Появление таких форм при осуществлении коммуникации, как «авторка», «директорка», «блогерка», «доцентка», «шоферка», есть не что иное, как проявление новой этики.

Второй подход заключается в поиске новых языковых средств, «необходимых для ведения бесед на «деликатные темы, используя эвфемизмы или лингвистические инновации» [8, с. 265]. Так, М. Бобылева в своей книге «Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать» представляет набор толерантной лексики, которая позволит нивелировать конфликтные ситуации, коммуникативные неудачи и не попасть в список лиц, которые в современных реалиях могут быть подвергнуты остракизму.

Очевидно, что и словообразовательный, и лексический подходы лежат в основе паттернов поведения конкретной коммуникативной ситуации, а также коммуникативной (внеэстетической) поэзии.

Восприятие идей «новой этики» сквозь призму когнитивных искажений становится причиной коммуникативных неудач при осуществлении как устной, так и письменной коммуникации. Проблемы коммуникативных неудач подробно освещаются в трудах О.Н. Ермаковой, Е.А. Земской, Б.Ю. Городецкого, в соответствии с позицией которых коммуникативная неудача имеет место тогда, когда можно говорить о «неосуществлении или неполном осуществлении

коммуникативного намерения говорящего, обусловленного рядом причин, порождаемых устройством языка, различиями говорящих, прагматическими факторами» [7, с. 154]. Очевидно, что главным условием успешной коммуникации является способность реципиента/получателя информации расшифровать коммуникативный замысел автора — «проделать работу по интерпретации речевого потока и “реконструкции замысла говорящего, по переосмыслению ранее сказанного и понятого”» [10, с. 62].

Актуализация идей коммуникативистики в рамках поэтического дискурса не нова для научной мысли. Во-первых, современная научная парадигма все чаще определяет поэтический текст как коммуникативный феномен (В.И. Карасик, Е.С. Палеха, Л.Н. Синельникова, В.З. Демьянков); во-вторых, в качестве средств структурирования поэтического пространства в соответствии с работами О.И. Северской, Д.А. Дацко, К. Ferguson, M. Ręmbowska-Płuciennik может быть использован целый спектр коммуникативных стратегий и тактик.

В данном исследовании поэзия рассматривается как одна из форм мультидиалога, участниками которого становятся автор современного поэтического интернет-текста (адресант) и читатель (адресат).

Релевантным для установления коммуникативных неудач в поэтическом дискурсе, сфокусированном на принципах «новой этики», становятся результаты исследования когнитивных искажений сквозь призму когнитивной триады А. Бека.

Методы и материалы

В качестве материала исследования представлены 4189 современных немецкоязычных и русскоязычных поэтических интернет-текстов (случайная выборка), созданных в первой четверти XXI в.

В работе использованы метод систематизации и обобщения исследуемого теоретического материала; описательно-аналитический метод — для выявления и дескрипции отличительных признаков поэтических текстов, созданных в русле концепции «новой этики»; метод лингвостилистического анализа текста — для интерпретации стихотворений, созданных на русском и немецком языках.

Результаты, дискуссия

В ходе проведенного исследования мы выделили три основные группы стихотворений, поднимающих вопросы 1) толерантности; 2) рефрейминга харасмента; 3) культуры отмены.

Толерантность

Основополагающая группа стихотворений, при прочтении и анализе которых возможен коммуни-

кативный сбой, посвящена теме толерантности, рассматриваемой многими учёными как многогранный феномен, что подтверждает «разительная диспропорция между множеством решений и теоретических положений на тему самого понятия» [15, с. 24]. Идея толерантности не нова для литературы в целом. В частности, античная нравственность строится на постулатах этики толерантности как терпеливого и уважительного отношения к себе и окружающим (см. философские трактаты Эпикура, Аристипа); в период Средневековья толерантность как концепция связана с божественным началом: предполагалось, что «если бог терпим к людям, любит их, несмотря на все их недостатки, то и сам человек, созданный по образу и подобию Божьему, также должен исходить в своей жизнедеятельности из любви, терпения, кротости и сострадания» [4, с. 75]. Такой подход реализуется в трудах Ф. Аквинского, Аврелия Августина и др. В современном обществе под толерантностью понимается терпимость, неагрессивное отношение к иному мировоззрению, системе ценностей, моральным нормам, практике отдельных религий и т.д. Очевидно, что подобный взгляд представлен и в современных стихотворениях на базе русского и немецкого языков. Однако, как показал анализ стихотворений, в современном русскоязычном поэтическом дискурсе экспликация принципов толерантности подвергается радикальной критике: русскоязычные авторы отмечают негативное влияние западной культуры на традиционные ценности. В частности, К. Фролов-Крымский выражает недовольство концепцией толерантности, что определяется соответствующим набором лексем, акцентирующих внимание на абсурдности навязываемых норм: холопские ливреи, заморские друзья, чёрная дыра: «Диктуют нам заморские друзья, // Что делать можно, ну, а что — нельзя! // Вот, дескать, вам холопская ливрея // И толерантность — слово-панацея [18].

Парадоксальным аспектам человеческого поведения сквозь призму толерантности посвящено стихотворение С. Барламаева. Современное общество, по мнению поэта, имеет высокий уровень толерантности, люди могут быть снисходительными к недостаткам и слабостям других, однако не замечать при этом собственных противоречий: «У нас в гуманитарности // Не сыщешь слабину, // У нас есть толерантности // Буквально ко всему» [1]. Толерантность проявляется также в политике двойных стандартов: с одной стороны, в обществе осуждаются привычки одних (любовь к громкой музыке), с другой стороны, терпимо относятся к пристрастиям других (использование в речи сниженной лексики, пьянство): «Поймём, без передышки, // Кто регулярно пьёт, // При этом, мат услышав, // Ругаться не даёт. // Бычки сорит

кто всюду, // Но волен осуждать, // Кто музыку, Иуда, // Здесь громко стал включать» [1].

В немецкоязычном поэтическом дискурсе толерантность не подвергается критическому анализу. Однако данный феномен, по мнению немецкоязычных авторов, амбивалентен. Во многих стихотворениях толерантность изображается как добродетель, которая является одним из важных элементов функционирования современного общества: «*Der Lehrer wies uns in der Jugend // auf Toleranz als große Tugend*» [21] — *В нашей юности учитель наставлял нас, // что терпимость — это великая добродетель* (здесь и далее — перевод автора статьи). Мысль актуализируется посредством глагольных цепочек: *hoch gepriesen* (высоко превозносится), *fein beschrieben* (прекрасно описывается), *mit Strenge verwiesen* (со строгостью подчеркивается). Но позиция относительно незыблемости идей толерантности рассматривается как некий иллюзорный феномен, представляющий собой форму согласия с тем, что не наносит вред и не угрожает личным убеждениям человека: «*Sie akzeptieren dies und das // Doch nur was ihnen leuchtet ein // und das muss dann noch irgendwie // innerhalb ihrer Grenzen sein...*» [20] — *Они принимают только то, // что имеет для них смысл, // находится где-нибудь // в пределах их границ*. Предрассудки и социальные стереотипы, господствующие в современном обществе, могут стать причиной непринятия идей толерантности, так как многие отвергают то, что отличается от их привычного восприятия: культура, физические характеристики (цвет кожи, цвет волос): «*Wenn jemand aus der Reihe tanzt // dann finden sie es sonderbar // manche stören sich an anderer Meinung // andere wieder an Haut oder Haar*» [20] — *Если кто-то выходит за рамки // они находят это странным // Одних беспокоит другое мнение // других — кожа или волосы*.

Рассуждая о толерантности, немецкоязычные авторы приходят к выводу о том, что совершенство недостижимо: никто в этом мире не является идеальным, поэтому людей нужно принимать такими, какие они есть, и избегать критических осуждений. Акцентирование внимания на индивидуальности человека важно в первую очередь для формирования эмпатии и уважения, так как ряд характерных черт делают его уникальным и интересным: «*Kein Mensch ist völlig fehlerfrei, // Eigentlich ist das ganz einerlei. // Mach deshalb nicht lange rum, // kümmer Dich einfach nicht drum*» [22] — *Ни один человек не является абсолютно безупречным, // На самом деле все мы одинаковы. // Не суетитесь по этому поводу, // просто не беспокойтесь об этом*.

Основными причинами возникновения коммуникативных неудач в стихотворениях этого блока могут стать когнитивные искажения, базирующие

на различии культурных кодов автора и реципиента: «эффект фокусировки» и «обесценивание позитивного». Если представитель западного общества воспитан на принципах толерантности, терпимости, уважения особенностей других, то он ожидает реализации подобных идей и в поэтических текстах, т.е. фокусируется исключительно на положительной составляющей концепции толерантности. Однако прочтение русскоязычных стихотворений, осуждающих идеи толерантности как явления, разрушающего традиционные скрепы, может привести к коммуникативному сбою. «Обесценивание позитивного» характерно для русскоязычного читателя, игнорирующего положительные свойства концепции толерантности как составляющей справедливости, необходимой для развития общества.

Рефрейминг харассмента

Харассмент — многогранная тема, в рамках реализации которой в современных поэтических текстах показаны активное противодействие домогательствам и гендерной дискриминации, личный опыт автора или тех, кто стал жертвой харассмента. Словари трактуют понятие «харассмент» как «сексуальные домогательства в виде приставаний (как физических, так и вербальных)» [17], а также как «поведение человека, причиняющее неудобство или даже вред другому человеку, нарушающее неприкосновенность его частной жизни» [17]. Однако не все понимают значение этого слова: *«Харассмент — что в нем такого? // Начнём с того, что я не понимаю значения этого слова. // А когда я это погуглила, то мои глаза стали круглыми. // Все что у нас называется любовью страстной // в США преступления под названием harassment»* [14]. Сомнения относительно юридической природы харассмента в США и неспособность правильно дефинировать сам феномен создают контраст между личным восприятием и общественными нормами. Описание гипотетической ситуации, в которой желаемое согласие на сексуальные отношения выглядит как формальный контракт, подчёркивает абсурдность и сложность темы: *«Дорогая я просто не нахожу себе места, очень хочу заняться с тобой сексом. // По пути купим букет ромашек — сплетем венки. // Презервативы, латексные салфетки, перчатки и по дороге захватим в аптеке. // Справку об отсутствии зпп я немедленно вышлю на мейл тебе, // И если позитивен итог нашего интервью, то и ты поскорее вышлай свою. // Кстати, там у меня во вложенном файле список поз, которые я предпочитаю. // Но если ты скажешь не да, то тоже, в принципе, не беда»* [14].

В стихотворении Л. Шейд «Харассмент» акцентируется внимание на критике власти, социальном неравенстве, человеческой бездеятельности, харас-

сменте и возникновении сложных отношений между людьми в современном обществе: *«Шеф клеится к секретарше, // нечистая сила на Патриарших // к приличным людям и неврастеникам, // нищим, умоляющим — «денег нам». // Косвенны действия идиота ли, человека, // не знают, на кого бы ещё наехать»* [19]. Домогательства со стороны шефа могут быть интерпретированы как символические отношения между начальством и подчинёнными, где более сильная сторона использует свое положение для личной выгоды. Метонимия «нечистая сила на Патриарших» указывает на моральное разложение и отсутствие нравственных ориентиров в обществе. Патриаршие пруды в Москве известны как популярное место встреч, что добавляет элементы контекстуальности: в этом месте происходит нечто, что вызывает осуждение и тревогу.

В поэтическом тексте А. Маркли демонстрируется точка зрения, в соответствии с которой обвинения в харассменте расцениваются как инструмент мести или манипуляции, что приводит к двойным стандартам в оценке поведения мужчин и женщин: *«Эдисон Арантес Насименто, // По прозвищу футбольному Пеле, // Не ощущал явление харассмента, // Хотя ходил по этой же земле. // Не думал он до этого момента, // Не знал о сей беде наверняка, // Что можно обозначить харассментом // Любого пожилого мужчины»* [12].

Кроме того, предлагается харассмент назначить «сто тридцатым элементом» в таблице Менделеева и присвоить ему имя, символизирующее освобождение: *«Назначим сто тридцатым элементом // В таблице Менделеева металл. // Присвоим ему имя харассмента, // Что символом освобождения стал. // Да здравствует наш харассмент — // Двойной морали монумент»* [12].

Причиной коммуникативной неудачи в этом фрагменте может стать нераспознавание иронии, базирующейся на неудовлетворённости автора ситуацией, когда явление, которое должно быть осуждаемо, становится символом чего-то положительного.

В немецкоязычном поэтическом дискурсе харассмент — амбивалентный феномен, который не имеет однозначной оценки. Так, Э. Пальц утверждает, что некоторые женщины могут воспринимать домогательства как комплимент: *«In Wirklichkeit ist es doch so, // Verschied'ne Damen wären froh, // Fasste mal jemand an den Po»* [25]. — *На самом деле все так и есть, // Разные дамы были бы счастливы, // если бы кто-то схватил их за попу»*. Позиция С. Прее коррелирует с точкой зрения Э. Пальца, по мнению автора, действия, имеющие сексуальный подтекст, не всегда являются домогательством или имеют противозаконный характер: *«Sexuelle Belästigung. // Ist eine*

Frage. // Des Respektierens. // Der Grenzen. // Darum. // Ist es vom einen erlaubt. // Vom anderen unerwünscht» [26]. — Сексуальные домогательства. // Это вопрос. // Об уважении. // О границах. // Потому что // Это позволено одним. // И нежелательно для других.

Однако следует признать, что авторы, оправдывающие харассмент, представлены в меньшинстве в немецкоязычном поэтическом дискурсе. Очевидно, что проблема сексуального домогательства, насилия, подавленного психологического состояния как следствие подобных действий волнует современное общество, что находит отражение в соответствующих стихотворениях и подтверждается набором ключевых лексем негативной семантики: *Leere spüren* (ощущать пустоту), *sich schuldig fühlen* (чувствовать себя виноватой), *ein Hauch von einem Körper ohne Energie* (намек на тело без энергии), *eine Mauer um mich bauen* (построить стену вокруг себя), *vom Leben ein Stück holen* (забрать часть жизни), *die Lebensfarben zerstören* (уничтожить краски жизни): «*Ich fühle mich schuldig, obwohl gesagt wird, ich hätte kein Recht dazu // Ich sehe in den Spiegel und sehe ein verzerrtes Bild, ein Hauch von einem Körper ohne Energie» [24]. — Я чувствую себя виноватой, хотя они говорят, что я не имею права. // Я смотрю в зеркало и вижу искажённое изображение, намек на тело без энергии.*

В качестве основной причины коммуникативного сбоя в текстах этой группы с большой долей вероятности может выступить такая форма когнитивного искажения, как «катастрофизация», предполагающая убеждение лица в негативном развитии конкретной ситуации. Так как харассмент/обвинение в харассменте представлены как способ манипуляции или мести, очевидно, что у реципиентов при прочтении поэтических текстов, поднимающих вопросы домогательства, гендерной дискриминации, может возникнуть целый спектр негативных эмоций: страх, тревога, мнительность, паника.

Культура отмены

В фокусе заключительной группы стихотворений — современная форма остракизма — культура отмены. Суть данного феномена заключается в том, чтобы посредством привлечения к ответственности за совершение социальных, этических проступков, негативные высказывания в отношении различных групп меньшинств заставить «отменяемого» публично покаяться. Культуру отмены представляется возможным рассматривать как подвид агрессивной коммуникации, характеризующейся «наступательным, активным общением, привлекающим внимание аудитории, <...> заставляющим принимать сторону одного из оппонентов, сопереживать событиям» [5, с. 306]. Коммуникативный сбой в этом случае в рам-

ках поэтического дискурса может возникнуть вследствие неправильной интерпретации реципиентом коммуникативного намерения автора, т.е. несовпадения взглядов поэта и читателя на обсуждаемую проблему. В качестве подвида коммуникативных искажений в данном случае выступает, «эмоциональное обоснование», под которым понимается игнорирование реципиентом логических доказательств вследствие соответствующего эмоционального состояния, или «выборочное игнорирование», что приводит к умозаключениям, построенным на недостаточной доказательной базе.

Обратимся к стихотворению Т.С. Луттера *Cancel culture*, в котором феномен культуры отмены метафоризируется. В частности, автор сравнивает культуру отмены с кувалдой, разрушающей традиционные ценности и символизирующей радикальные изменения в социальной структуре: «*Cancel Culture — Vorschlaghammer // bricht mit allem Wert // zwingt das Unterste zuoberst // und auch umgekehrt» [23]. — Культура отмены — кувалда // разрушает все ценности, // заставляет низы подниматься // и также наоборот.* Интерпретировать данный фрагмент можно с двух позиций: с одной стороны, мы наблюдаем стремление к равенству и справедливости (*zwingt das Unterste zuoberst — низшие слои поднимаются*), с другой, подобные трансформации могут стать причиной хаоса в обществе.

Образ бензопилы («*Cancel Culture — Kettensäge // schneidet sich durch's Land // amputiert den Geist vom Körper // und wird wegverbrannt» [23]. — Культуры отмены — бензопила // прорекает путь через землю, // отсекает дух от тела // и изгоняется прочь*) олицетворяет жестокость, непреклонность, решительность в борьбе с нежелательными или токсичными идеями и элементами.

Наконец, завершается стихотворение образами костра и ведьм, сделанных из соломы («*Cancel Culture — Scheiterhaufen // brennt schon lichterloh // in den hohlen Hexenkörpern // präpariert mit Stroh!» [23]. — Культуры отмены — костёр // уже ярко горит // в полых головах ведьм // приготовленных из соломы!*), создающих аллюзию на известные исторические факты о судах инквизиции, преследовании и сжигании на костре ведьм. Олицетворение культуры отмены с костром, на котором казнили ведьм, свидетельствует о возникновении страха перед общественным осуждением публичных фигур после того, как они допустили расистские, сексистские высказывания в отношении меньшинств.

В России проблема культуры отмены также актуальна, в большинстве случаев она затрагивает сферу искусства: музыканты, художники, писатели могут стать объектами осуждения за свои высказывания или поведение. В частности, стихотворение А. Бодяшкина

поднимает вопрос о том, насколько оправдано исключать из общественного пространства культурных и исторических личностей за их взгляды, действия — только потому, что они могут не соответствовать современным моральным стандартам: «*Культура отмены. // Знакомо понятие? // Волшебная формула радостных дней. // Чайковский был русским? // Даёшь отменить его! // И Глинку туда же — // так будет верней*» [3]. Риторические вопросы («*Вам, мистер, мерещится, // будто Толстой // отправился сам воевать // в Мариуполе? Чайковский был русским?*» [3]) подчёркивают сомнения автора относительно адекватности самого феномена культуры отмены. Также абсурдность идей данного феномена актуализируется посредством метафор: война за умы, мозг — орган лишний и др.: «*Отмена культуры, // имён и времён! // В войне за умы // ни к чему артиллерия, // Ведь мозг — орган лишний. // Уже отменён*» [3].

Заключение

Подведём итоги. В ходе исследования было проанализировано влияние концепции «новой этики» на современный поэтический дискурс в русскоязычной и немецкоязычной интернет — среды. Авторы поэтических текстов в своём творчестве обращаются к темам инклюзивности, гендерной дискриминации, социальной справедливости, прав меньшинств, эксплицирующихся в рамках «новой этики», которая охватывает широкий спектр вопросов, связанных с моральными нормами и принципами, возникающими как реакция на трансформации в обществе и глобальные вызовы.

Литература

1. Барламаев С. Толерантность [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2022/09/30/5470> (дата обращения: 19.02.2025).
2. Боброва Л.А. Когнитивные искажения. (Обзор) [Текст] / Л.А. Боброва // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. — 2021. — № 2. — С. 69–79.
3. Бодяшкин А. Культура отмены культуры [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2022/05/29/7201> (дата обращения: 16.01.2025).
4. Бубнов Ю.А. Проблема толерантности в античной и средневековой культуре: ретроспективный анализ [Текст] / Ю.А. Бубнов, Н.А. Гаршин // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. — 2018. — № 2, — С. 75–82.
5. Гончарова Л.М. Агрессивная коммуникация: новые языковые реалии в современном мире [Текст] / Л.М. Гончарова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2018. — Т. 7 (4). — С. 305–308.
6. Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике» // Университетская этика: моральные проблемы цифровизации образования. Ведомости прикладной этики. Вып. 58 [Текст] / А.А. Гусейнов; под ред. В.И. Бакштановского. — Тюмень: Изд-во ТИУ, 2021. — С. 91–107.
7. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач / Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-рагматический аспект [Текст] / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская. — М., 1993.
8. Ефремов В.А. Язык и гендер в аспекте новой этики [Текст] / В.А. Ефремов, С.У. Матвеева // Известия РГПУ им. А. Герцена. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 2023. — С. 265–274.
9. Кронгауз М.А. Феминитивы укоренятся, если изменится наша жизнь // Культура [Электронный ресурс]. — URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/236355-maksim-krongauz-feminitivy-ukorenyatsya-esli-izmenitsya-sama-nasha-zhizn> (дата обращения: 22.07.2024).
10. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы [Текст] / Е.М. Лазуткина // Культура русской речи: учебник для вузов. — М., 1998. — С. 50–79.
11. Левина Т.В. Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? Интервью Т. Левиной с М. Немцевым [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.istorex.org/post> (дата обращения: 21.07.2024).
12. Маркли А. Харассмент [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3380642> (дата обращения: 01.01.2025).
13. Марков А.П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2023> (дата обращения: 22.07.2024).
14. Орлова А. Харассмент [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2018/12/27/3763?ysclid=m2k7y5mwwt516936788> (дата обращения: 09.12.2024).
15. Подгорецкий И. Толерантность: понятие и концепция [Текст] / И. Подгорецкий // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 4. — С. 10–15.

ного педагогического университета. — Томск, 2004. — С. 24–31.

16. Россман Э. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий [Электронный ресурс]. — URL: <https://syg.ma/@ellarossmann/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghment-iz-istorii-poniatii> (дата обращения: 04.10.2024).
17. Словарь синонимов русского языка — онлайн-подбор [Электронный ресурс]. — URL: <https://sinonim.org/t/harassment> (дата обращения: 30.12.2024).
18. Фролов-Крымский К. Толерантность [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2020/03/10/5596> (дата обращения: 18.01.2025).
19. Шейд Л. Харассмент [Электронный ресурс]. — URL: <https://stihi.ru/2020/09/17/3329> (дата обращения: 31.12.2024).
20. Bachmann C. Toleranz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-stories.de/gedichte-lesen.phtml?40113> (дата обращения: 12.01.2025).
21. Kandel J. Toleranz und Gleichgültigkeit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.christliche-gedichte.de/?pg=13643> (дата обращения: 24.01.2025).
22. Knödler-Stojanovic H. Kein Mensch auf der Welt ist perfekt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gedichtesammlung.net/Sonstige-Gedichte/Niemand-ist-perfekt> (дата обращения: 22.01.2025).
23. Lutter T.S. Cancel Culture [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-stories.de/gedichte-lesen.phtml?263465> (дата обращения: 15.01.2025).
24. Mein Zweites Ich [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wirbelwind-ingolstadt.de/beratung/mein-zweites-ich> (Дата обращения: 14.01.2025).
25. Palz E. Sexuelle Belästigung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gedichtesammlung.net/Gedicht/Sexuelle-Belastigung> (дата обращения: 03.01.2025).
26. Pree S. Sexuelle Belästigung [Электронный ресурс]. URL: www.e-stories.de (дата обращения: 04.01.2025).
8. Efremov V.A., Matveeva S.U. Yazyk i gender v aspekte novoj etiki // Izvestiya RGPU im. A. Gercena. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. Gercena, 2023. S. 265–274.
9. Krongauz M.A. Feminitivy ukorenyatsya, esli izmenitsya nasha zhizn // Kultura. [Electronic resource]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/236355-maksim-krongauz-feminitivy-ukorenyatsya-esli-izmenitsya-sama-nasha-zhizn> (accessed: 22.07.2024).
10. Lazutkina E.M. Kommunikativnye tseli, rechevye strategii, taktiki i priemy // Kultura russkoj rechi: uchebnik dlya vuzov. M., 1998. S. 50–79.
11. Levina T.V. Naskolko umestna kritika «novoj etiki» v sovremennoj Rossii? Intervyu s M. Nemtsevyim [Electronic resource]. URL: <https://www.istorex.org/post> (accessed: 21.07.2024).
12. Markli A. Harassment [Electronic resource]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3380642> (accessed: 01.01.2025).
13. Markov A.P. «Novaya etika» kak globalnyj proekt kulturnoj regressii [Electronic resource]. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2023> (accessed: 22.07.2024).
14. Orlova A. Harassment [Electronic resource]. URL: <https://stihi.ru/2018/12/27/3763?ysclid=m2k7y5mwwt516936788> (accessed: 09.12.2024).
15. Podgoreckij J. Tolerantnost: ponyatie i koncepciya / Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Tomsk, 2004. S. 24–31.
- Rossmann E. Kak pridumali «novuyu etiku»: fragment iz istorii ponyatij [Electronic resource]. URL: <https://syg.ma/@ellarossmann/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghment-iz-istorii-poniatii> (accessed: 04.10.2024).
16. Slovar sinonimov russkogo yazyka- onlajn -podbor [Electronic resource]. URL: <https://sinonim.org/t/harassment> (accessed: 30.12.2024).
17. Frolov-Krymskij K. Tolerantnost [Electronic resource]. URL: <https://stihi.ru/2020/03/10/5596> (accessed: 18.01.2025).
18. Shejd L. Harassment [Electronic resource]. URL: <https://stihi.ru/2020/09/17/3329> (accessed: 31.12.2024).
19. Bachmann C. Toleranz [Electronic resource]. URL: <https://www.e-stories.de/gedichte-lesen.phtml?40113> (accessed: 12.01.2025).
20. Kandel J. Toleranz und Gleichgultigkeit [Electronic resource]. URL: <https://www.christliche-gedichte.de/?pg=13643> (accessed: 24.01.2025).
21. Knodler-Stojanovic H. Kein Mensch auf der Welt ist perfekt [Electronic resource]. URL: <https://www.gedichtesammlung.net/Sonstige-Gedichte/Niemand-ist-perfekt> (accessed: 22.01.2025).
22. Lutter T.S. Cancel Culture [Electronic resource]. URL: <https://www.e-stories.de/gedichte-lesen.phtml?263465> (accessed: 15.01.2025).
23. Mein Zweites Ich [Electronic resource]. URL: <https://www.wirbelwind-ingolstadt.de/beratung/mein-zweites-ich> (accessed: 14.01.2025).
24. Palz E. Sexuelle Belästigung [Electronic resource]. URL: <https://www.gedichtesammlung.net/Gedicht/Sexuelle-Belastigung> (accessed: 03.01.2025).
25. Pree S. Sexuelle Belästigung [Electronic resource]. URL: www.e-stories.de (accessed: 04.01.2025).

References

1. Barlamaev S. Tolerantnost [Electronic resource]. URL: <https://stihi.ru/2022/09/30/5470> (accessed: 19.02.2025).
2. Bobrova L.A. Kognitivnye iskazheniya. (Obzor) // Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. 2021. № 2. S. 69–79.
3. Bodyashkin A. Kultura otmeny kultury [Electronic resource]. URL: <https://stihi.ru/2022/05/29/7201> (accessed: 16.01.2025).
4. Bubnov Yu.A., Garshin N.A. Problema tolerantnosti v antichnoj i srednevekovoj kulture: retrospektivnyj analiz // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2018, no. 2, s. 75–82.
5. Goncharova L.M. Agressivnaya kommunikatsiya: novye yazykovye realii v sovremennom mire / Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2018. T. 7 (4). S. 305–308.
6. Gusejnov A.A. Chto novogo v «novoj etike» // Universitetskaya etika: moralnye problemy tsifrovizatsii obrazovaniya. Vedomosti prikladnoj etiki. Vyp. 58 / Pod red. V.I. Bakshtanovskogo. Tyumen: Izd-vo TIU, 2021, s. 91–107.
7. Ermakova O.N., Zemskaya E.A. K postroeniyu tipologii kommunikativnyh neudach // Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt. M., 1993.